

# ГОРОД ПОРОКОВ



ДАВИД БОСС ⚡ АЛЕКСАНДР ЛИ

# ПРАВОСУДИЕ БАНДИТСКОГО КВАРТАЛА



МОСКВА  
2015

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Б85

Б85     **Босс, Давид.**  
          Правосудие бандитского квартала / Давид Босс,  
          Александр Ли. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. —  
          (Город Пороков. Книга, ради которой не обязательно  
          убивать).

ISBN 978-5-699-81408-4

Мэвис Клер — проститутка из старого города, но она  
запросто может сойти за леди из высшего света. Она умна,  
образованна и очень сексуальна. И эти качества дают ей  
безупречное алиби: в свободное от работы время она вы-  
полняет киллерские заказы местного мафиозного синди-  
ката. Вскоре Мэвис получает заказ на очередного клиен-  
та — немолодого и очень богатого адвоката, вставшего  
поперек пути местных мафиози. Подобраться к адвокату  
не так просто: у него неподкупная охрана, да и сам он  
довольно бдителен. Тогда красотка решает втереться к  
нему в доверие. Но вдруг происходит непостижимое...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-81408-4

© Босс Д., Ли А., 2015  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2015

## **Новелла 1**

Все называют меня Марти-Топором, хотя на самом деле фамилия моя Ларни — Марти Ларни. Но если ты банковский налетчик и специалист по потрошению сейфов всех возможных конструкций с двадцатипятилетним стажем, то просто обречен иметь кличку. И не ты ее придумываешь. Ее придумывает сама жизнь. Меня прозвали так, поскольку приятели шутили, что я могу вскрыть сейф любым подручным предметом, даже топором. Так что, если вы подумали, будто я кровавый мясник-убийца, любящий расчленять тела своих жертв, чтобы потом разбрасывать их по разным концам нашего славного Города Пороков, то ошиблись. Такое не по мне. Я не люблю убивать без надобности и, надеюсь, в свои пятьдесят лет не изменю укоренившимся за десятилетия привычкам.

Полувековой юбилей я встречаю в тюряге, самой гнусной тюряге нашего штата. Носит она романтическое название «Лисы Норы». Может, когда-то тут и водились лисы, но теперь тут обитают лишь отбросы общества, среди которых мне приходится мотать пожизненный срок, а также крысы — тут их целые полчища. Если днем они еще немного прячутся, то ночью начинается настоящий разгул. Хвостатые твари становятся подлинными хозяевами. Даже охрана боится их. Здание тюряги старое. Камеры расположены по кругу, вдоль внешних стен в четыре этажа. Тут нет дверей. Охрана может видеть все, что происходит внутри, через решетки, заменяющие одну из стен. Мы видны охранникам, находящимся на посту в центре бетонного цилиндра, так же хорошо, как видны рыбы в подсвеченном аквариуме. Ничто не укроется от их глаз.

Днем решетки отодвигают, разблокировав электрические магнитные замки. И мы — сидельцы — получаем относительную свободу. Можем играть в шашки или домино в столовой, можем выйти во двор тюрьмы, где есть старые турники, качалки и баскетбольная площадка.

Заключенные делятся на банды. В основном по расовому признаку. Есть банда «бе-

лых», есть банда «черных» и есть «латиносы». Все банды смертельно враждуют между собой. Это единственное развлечение в тюрьме, которое может пощекотать нервы и дать почувствовать свою власть над другими. Ведь в «Лисьих Норах» большинство осуждено на пожизненные сроки, и выбраться отсюда им не светит.

Самое странное, что сижу я здесь за убийство ювелира, скупавшего краденое. За убийство, которого я не совершил. А вот налеты на банки, которых за мной и моими дружками немало, так и остались за скобками. Кто-то из них и теперь здравствует, кто-то ушел в иной свет от пули копа, а кто-то, как и я, гниет в тюрьме. Как-нибудь я расскажу про это «убийство».

Я неучаствую в жизни банд. Это не мое. Я всегда привык жить своим умом, и для меня практически нет авторитетов, разве что такие же одинокие «волки», как и я сам. Нас таких в тюряге всего двое. Я и Джэкоб по кличке Апостол. Мы с ним делим одну камеру на двоих. Старик немало повидал на своем веку. Старый гангстер сидит в «Лисьих Норах» за убийство любовницы, которая сама хотела прикончить его. Бывает интересно послушать его рассуждения о женщинах. Старик слеп на правый глаз, который потерял в перестрелке

с полицейскими. Вместо него у Апостола искусственный глаз — стеклянный, который то и дело вываливается из глазницы, пугая новоселов «Лисьих Нор». Но Джэкоб еще ни разу не позволил упасть своему протезу на землю. Несмотря на солидный возраст, а ему за семьдесят, он проворно ловит его.

Сегодня воскресенье. Но «Лисьи Норы» — такое место, что даже выходной день кажется мрачным донельзя. На небе тяжелые тучи, моросит дождь. Поэтому желающих сыграть в баскетбол бандой на банду не находится. Заключенные меряются силой на руках, играют в шашки, шахматы. За всем этим лениво наблюдает из своего затянутого мелкой проволочной сеткой «гнезда» охрана. Такие мрачные дни чреваты бессмысленной дракой или даже бунтом. Человек должен быть занят каким-то делом, иначе у него может снести крышу. Но никогда бы вам не советовал придумывать план побега. Неблагодарное занятие, в конце которого обязательно ждет разочарование. Сколько людей уже пытались покинуть «Лисьи Норы» раньше срока! И все они возвращались назад. Пытались уйти через канализацию, выехать в мусоровозе, один даже пытался улететь на самодельном дельтаплане, но при падении

сломал себе позвоночник и теперь лежит парализованный.

Мы с Апостолом спокойно сидим на кирпичном выступе и ведем содержательную беседу. Джэкоб при этом перекатывает свой стеклянный глаз в ладони — он только собирается сравнить женщин с насекомыми, как через динамик объявляют, что ко мне посетитель, вернее посетительница — моя племянница. Я, конечно, удивлен, ведь никакой племянницы у меня нет и быть не может. У меня нет ни братьев, ни сестер. Во всяком случае, тех, о которых мне известно. Ни один мужчина, если он не импотент, не может быть уверен в том, что у него нет лишних детей. А мой отец любил погулять.

Единственный кровно близкий мне человек по ту сторону решетки — это мой сын Пол. Ему уже двадцать лет. Его воспитанием в основном занимались мои женщины, их было много, и сменялись они часто. Иногда в его взросление вмешивался и я. Но сами понимаете, что, угодив в тюрьгу, я практически утратил с ним связь. Он посещает меня редко — раза два в год. Поближе к Рождеству и к моему дню рождения. Я слабо знаю, чем он живет. Письма писать не люблю. Даже сказанное слово — почти всегда

ложь, что уж говорить о написанном. Правда заключена во взглядах, в спонтанных поступках. Все остальное — ложно по определению. Кажется, он не сильно меня любит, а вот я люблю его, хоть и не говорю об этом. Бессонными ночами бывает приятно представить себе, чем занимается сейчас мой мальчик. Чаще всего я представляю его с девушками. В моих мечтах они лишены лиц, которые словно размыты. А вот фигурки у них стройные. Мне видится, как Пол знакомится, ведет их в кино или в бар. Они смеются, веселятся. А потом, когда он проводит их, начинается дождь, и они укрываются вместе под его курткой, целуются...

У меня нет племянницы, это точно. Сюда мог бы прийти еще Самюэль Крик, мой старый подельник, но не стоит ему этого делать. Тогда сразу будет понятно, кто убил в ту злополучную ночь ювелира — торговца краденым. Не придет по той же причине и моя последняя любовь Одри. Правда, у нее есть и другие причины не наведываться ко мне. Не все так просто в наших отношениях. Но об этом позже.

Охранник выпускает меня в небольшой дворик для встреч с посетителями. Я не из буйных заключенных, за мной нет нарушений, меня ни разу не ловили с наркотой, потому что я ее не

употребляю. Благодаря этому мне и разрешают встретиться с несуществующей племянницей здесь, а не в боксах, где разговаривать приходится через переговорные трубы, а смотреть друг на друга через толстое непробиваемое стекло.

У меня нет племянницы, но она пришла. Я ищу ее взглядом среди немногочисленных посетительниц. Я же ее не знаю и могу ошибиться. Охранник, приведший меня сюда, настороживается.

— За десять лет можно забыть многое. Я ее помню лишь десятилетней девчушкой.

Охранник улыбается.

— Жизнь проходит мимо тебя, Топор.

— Это точно замечено. Жизнь проходит мимо «Лисьих Нор». Здесь время остановилось для всех.

— Я тут бываю только на дежурствах. У меня есть дом и семья. Там я стараюсь не вспоминать о тюрьге.

Узнавание затягивается. Я даже не знаю, каким именем называлась таинственная племянница, а потому не могу позвать ее. И тут она сама приходит мне на помощь.

— Дядя Марти! — кричит молоденькая красотка и машет над головой сложенной вчетверо газетой. — Я здесь!

— Ну, вот и нашлись, — усмехается охранник.

Я подхожу к незнакомой девушке, она смотрит на меня с надеждой, словно я чем-то могу ей помочь.

— Пошли, сядем, — говорю я ей и отвожу к скамейке.

Дворик для встреч — единственное место в «Лисьих Норах», где можно увидеть зелень. Тут растут цветущие кусты. В остальном тюряга напоминает каменистую пустыню. Если и найдешь траву, то пожелтевшую, больную, несмотря на частые дожди.

Густо пахнет цветами, названия которых я не знаю. Я и в прежней жизни не сильно разбирался в них.

— Тебя хоть как зовут, племяшка? — спрашиваю я, когда мы уже сидим рядом.

До охранника далековато, нашего разговора он не слышит.

— Лора. Лора Стэмптон, — отвечает она с грустной улыбкой и вновь смотрит на меня с надеждой.

У нее милое лицико, она не белоручка — ногти хоть и аккуратно накрашенные, но не слишком длинные, да и цвет лака не кричащий, а приближенный к натуральному. Во-

лосы заплетены в косу и аккуратно уложены. Смотрится она скромно, но я понимаю, что это обманчивое впечатление — стоит ей распустить волосы, и она преобразится, станет обворожительной, притягательной. Но только не для каждого она станет так делать, а для того, кого выберет сама.

— Ну, и почему ты решила, что ты моя племянница, Лора Стэмптон? — спрашиваю я. — Неужели в этом мире отыскались мои брат или сестра от другой матери.

— Нет, что вы, мистер Ларни, — произносит она, и ее голос журчит, словно ручеек с кристально чистой водой. — Просто мне пришлось так называться, чтобы меня пропустили к вам.

— Тогда кем же ты мне приходишься? — интересуюсь я. В темном однообразии «Лисьих Нор» образовалась хоть какая-то человеческая интрига.

Гадать, кем приходится тебе Красотка, куда приятнее, чем пытаться угадать, всадит ли тебе во время прогулки самодельный нож под ребро какой-нибудь спящий наркоман.

— Я невеста вашего сына, — вздыхает она.

Ну, вот и свершилось. Не зря же я представлял себе своего мальчика с девушкой. На-

конец, просветилось, очертилось лицо. Вот ты какая, Лора Стэмптон. После пятидесяти уже начинаешь понимать, что жизнь не бесконечна и сделано больше, чем предстоит сделать. И очень ценишь то, что можно назвать следом в жизни. Я родил сына, возможно, Лора родит мне внука... Останавливаю свои мысли. Все может оказаться полицейской подставой. Не люблю разочаровываться.

— А почему Пол не приехал с тобой? — спрашиваю я, пытаясь погасить в себе сентиментальные нотки.

Я должен вести себя как на допросе. Любое лишнее слово может оказаться роковым. Как любят говорить сами копы, зачитывая права в то время, когда заламывают тебе руки: «Все сказанное вами может быть обращено против вас». Мой давний враг — следователь Роберт Грэй — способен и не на такое. Он до сих пор помнит обо мне, я в этом уверен. Сколько сил он положил на то, чтобы расколоть меня. Но я не сдался. И тогда он сделал все возможное, чтобы повесить на меня убийство ювелира и упечь пожизненно. Раз в год, с упорством, достойным лучшего применения, он приезжает в «Лисьи Норы» и встречается со мной. Каждый раз он предлагает мне одну и ту же сделку,

от которой я отказался в самом начале. Это стало уже делом принципа — и моего, и его.

— Пол не может приехать. Он болен, лежит в больнице.

— Что-нибудь серьезное? — Я все еще не до конца доверяю ей.

— Более чем. Ему нужна дорогостоящая операция. Триста тысяч долларов. Если ее не сделать, жить ему осталось менее года. — Лора замолкает — она не просит денег напрямую.

Что ж, это вполне может быть и подставой Роберта Грэя, он подлый тип. Для него нет святых вещей. Только ублюдок типа него может додуматься шантажировать своего врага смертельной болезнью единственного сына. Но тут я замечаю в глазах Лоры слезы, она почувствовала мою показную холодность. И слезы эти искренние. Я умею отличать притворство женщины от искренних чувств — жизнь научила этому. По большому счету, из-за того, что я не умел делать этого раньше, я и оказался здесь.

— Он умрет, если вы ему не поможете, — опускает глаза Лора Стэмптон.

— Он мог позвонить, написать, — напоминаю я.

— Он гордый — запретил и мне к вам обращаться. Но я не послушалась.